

## СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 2

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ XVII-XVIII ВЕКОВ

#### Основные положения и вопросы темы:

**Языкознание средних веков.** Общая характеристика эпохи средневековья. Арабское языкознание средних веков. Развитие индийских и античных традиций в арабском языкознании. Грамматист из Басры Сибавейхи (VIII в.) и его труд “Аль-Китаб”. Басрийская и куфийская лингвистические школы. Лексикография арабских языковедов. Разработка философских вопросов языкознания в арабском средневековье. Тюрколог Махмуд аль-Кашгари и его многотомный труд “Собрание турецких языков”. Значение арабского языкознания. Языкознание в средневековой Европе. Споры о природе названий: споры реалистов и номиналистов. Схоластический подход к языку и преувеличение роли латинского языка как единственного средства науки и образования в средние века. Создание глоссариев, или словников, для лучшего понимания канонических текстов. Возникновение логической грамматики.

**Языкознание эпохи Возрождения.** Три умственных и культурных течения в эпоху Возрождения: ренессанс, реформация и просвещение. Знакомство Европы с культурой античного мира. Текстологическая работа по комментированию и изучению античной литературы. Возрождение классической филологии: труды Ю. Скалигера и И. Скалигера, Р. Стефануса и Г. Стефануса. Переводы Библии на национальные языки. Развитие книгопечатания. Формирование национальных литературных языков и их научное изучение. Появление грамматик национальных языков. Великие географические открытия эпохи Возрождения и расширение сведений о языках мира. Значение этого этапа в истории языкознания.

**Развитие философии языка.** Бурное развитие науки в XVII-XVIII вв. Формирование трех концепций в области философии языка в XVII в.: английской эмпиризма, французского рационализма, немецкой научно-философской концепции. Развитие философии языка в трудах Ф. Бэкона, Р. Декарта, Д. Локка, Г. Лейбница. Попытки и проекты создания искусственных международных языков.

**Всеобщая рациональная грамматика.** “Всеобщая рациональная грамматика” А. Арно и К. Лансло как новая страница в языкознании. Основные задачи и структура исследования. Попытки выделить общие черты, единые для всех языков. Различные языки как видоизменения некой универсальной логико-языковой системы. Значение универсальной грамматики в истории языкознания.

**Зарождение исторической и сравнительной точек зрения на язык.** Работа по описанию и классификации языков земного шара в XVII-XVIII вв. Признание и утверждение в языкознании принципа историзма. Влияние идей романтизма на исторические исследования родного языка и

фольклора. Идея генетического родства языков в работах французского гуманиста Г. Постеллуса, голландского лингвиста И. Скалигера, хорватского языковеда Ю. Крижанича, немецкого ученого Г. В. Лейбница, русского ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова. Знакомство европейских ученых с санскритом. Ф. Шлегель и его книга “О языке и мудрости индийцев”. Значение данного этапа в истории лингвистики.

### **Вопросы для обсуждения:**

1. Общая характеристика языкознания средних веков.
2. Арабское языкознание средних веков.
3. Языкознание в средневековой Европе.
4. Языкознание эпохи Возрождения.
5. Развитие философии языка в XVII-XVIII веках.
6. Всеобщая рациональная грамматика.
7. Зарождение исторической и сравнительной точек зрения на язык.

### **Персоналии:**

**Аль-Халиль ибн Ахмед** (718-791) – один из основателей арабского языкознания, основоположник учения о системе метрического стихосложения, в свете которого списывал факты, относящиеся к морфологическому строению арабского слова. Составил первый арабский словарь “Книга Айна”, слова в котором расположены по артикуляционным характеристикам содержащихся в них корневых согласных.

**Сибавейхи** (настоящее имя Абу Бишр Амр ибн Усман ибн Канбар; ок. 753 – ок. 796) – арабский грамматист, перс по происхождению. Написал обширный труд “Аль-Китаб” (“Книга”), в котором в завершенном виде представляет грамматику арабского языка. Работа была настолько полной и исчерпывающей, что последующие поколения арабских грамматистов занимались лишь комментированием “Книги” Сибавейхи.

**Фирузабади** (1329-1414) – ширазский перс, автор наиболее значительного по объему арабского словаря “Камус” (“Океан”), состоящего из 60-и томов. Словарь был настолько популярен, что “камусом” в дальнейшем стали называть любой словарь.

**Махмуд аль-Кашгари** (родился около 1029-1038 гг., дата смерти неизвестна) – тюрколог, автор многотомного труда “Диван лугат ат-тюрк” (“Собрание турецких языков”), представляющего собой фактически энциклопедию тюркских языков, в которой даются их сравнительная грамматика и лексикология, указываются звуковые соответствия тюркских диалектов, описываются тюркские морфемы.

**Юлий Скалигер** (1484-1558) – французский гуманист, обосновал закон о трех единствах, который впоследствии лег в основу нормативной эстетики классицизма.

**Иосиф Скалигер** (1540-1609) – сын Юлия, автор труда “Об основах языка латинского”.

**Роберт Стефанус** (1503-1559) – автор книги “Сокровищница языка латинского”.

**Генрих Стефанус** (1528-1598) – сын Роберта. Издал работу “Сокровищница языка греческого”.

**Фрэнсис Бэкон** (1561-1626) – английский философ, один из создателей концепции философской грамматики, которую он изложил в работах “О достоинствах и усовершенствовании наук” и “Новый Органон”.

**Джон Локк** (1632-1704) – английский философ, в работе “Опыт о человеческом разуме” большое внимание уделяет значению слов, связывая эту проблему с сущностью языка.

**Рене Декарт** (1596-1650) – французский философ, один из авторов проекта создания философского (искусственного) языка.

**Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646-1716) – один из авторов идеи об универсальном символическом языке, которую он сформулировал в диссертации “Об искусстве комбинаторики”. Уделял много внимания родству языков и их генеалогической классификации.

**Антуан Арно** (1612-1694) и **Клод Лансло** (1616-1695) – французские монахи, создатели “Всеобщей рациональной грамматики”, которая в Европе в течение 50 лет служила непререкаемым авторитетом в области грамматической науки.

**Юрий Крижанич** (ок. 1618-1683) – хорватский языковед, автор первой попытки генеалогической классификации славянских языков.

**М. В. Ломоносов** (1711-1765) – русский ученый-энциклопедист, стоял у истоков славянской компаративистики и индоевропеистики.

**Иосиф Добровский** (1753-1829) – чешский лингвист, один из основателей компаративистики на славянском языковом материале.

**Фридрих Шлегель** (1772-1829) – немецкий языковед, автор книги “О языке и мудрости индийцев”, в которой делает попытки показать родство санскрита с некоторыми европейскими языками, а также персидским языком. В этой работе впервые встречается термин “сравнительная грамматика”.

### **Вопросы и задания для контроля и самопроверки:**

1. Какие две противоположные тенденции характеризуют становление новых цивилизаций и мировых религий в общественно-языковой практике эпохи средневековья?
2. Назовите основные задачи, которые решало языкознание средних веков.
3. Каковы подходы к исследованию канонических текстов с точки зрения герменевтики и экзегетики?
4. Назовите представителей арабского языкознания и арабской грамматической школы.
5. Какие вопросы языкознания разрабатывались в арабском средневековье?
6. Как в средневековой Европе развиваются споры о природе названий?

7. Охарактеризуйте языкознание средневековой Европы.
8. Назовите представителей языкознания эпохи Возрождения.
9. Как расцвет искусства, литературы, науки в эпоху Возрождения отразился на языкознании?
10. Когда и как начали формироваться национальные литературные языки и появляться соответствующие грамматики?
11. Назовите 3 концепции в области философии языка, появившиеся в XVII веке.
12. На чём основана “Всеобщая рациональная грамматика” и каковы её основные задачи?
13. Назовите совокупность условий, приведших к появлению сравнительно-исторического языкознания.
14. Кто из языковедов XVI-XVIII веков развивал идею генетического родства языков?

### **Темы рефератов:**

1. Основные культурные течения эпохи Возрождения (ренессанс, реформация, просвещение).
2. Грамматика Франсиско Санчеса «Минерва, или о первоосновах латинского языка».
3. Лингвистическая жизнь Восточной Европы средневековья.
4. “Букварь” Ивана Фёдорова.
5. Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого.

### **Литература:**

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005.
2. Амирова Т.А. и др. История языкознания. М., 2003.
3. Арно А., Ланело Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990.
4. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
5. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд., стереотип. Минск, 2003.
6. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
7. Звегинцев В.А. История арабского языкознания. Краткий очерк. М., 1958.
8. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999.
9. История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб., 1991.
10. История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985.
11. История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981.
12. Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.
13. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
14. Левицкий Ю.А. История лингвистических учений. М., 2005.
15. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений. М., 2005.

## ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

### ТЕКСТ 1. А. А. ЛЕОНТЬЕВ. ГЕНЕЗИС СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**3. От Филона до Абеяра.** Чтобы ясно представить себе историко-философский контекст, в котором возникли и развивались средневековые семантические теории, необходимо учесть два основных момента. Первый: все раннесредневековые философские концепции находились под сильнейшим влиянием платонизма (точнее, неоплатонизма). В них, во всяком случае на первом этапе, широко используется – хотя и употребляется иначе – концептуальная система позднеантичной философии, в частности – основные категории, свойственные учению стоиков и восходящие к Платону. Второй: невозможно понять суть воззрений средневековых философов на значение, если не уловить главного, доминирующего направления их мысли. Мы имеем в виду свойственную всей средневековой философии идею, выраженную в наиболее яркой форме Псевдо-Дионисием Ареопагитом: “воистину, вещи зримые суть явленные образы вещей незримых...”

Предшественником анализируемой концепции, как и христианской теологии вообще, является александриец Филон. Опираясь на учение стоиков о мировом логосе и его отображении в языке через разум отдельного человека, Филон объявил логос силой, посредством которой бог творит мир... Логос есть то, что соединяет бога и мир, бога и человека через разум последнего. Более того, он также относится к космосу, как человеческий разум к человеку. Разум превращается, таким образом, в слабое подобие Логоса. Слово дано человеку, в частности, в форме священного писания: правильно истолковать писание значит проникнуть в скрытую премудрость, приблизиться к божественному знанию. Отсюда целое направление в теологии – экзегетика или герменевтика... Но подлинный смысл писания связан с духовным постижением, а не с разумом как таковым, хотя совершенствование разума необходимо для постижения (экзегезы).

Блаженный Августин, развивая идеи экзегетики, рассматривает важность для нее теории знака (в частности, языка как системы знаков), являющейся чем-то вроде пропедевтики наук... Впрочем, Августин был едва ли не первым, кто попытался построить общую теорию знаковых систем, частным случаем которой является теория языка. Прежде всего сюда входит разграничение искусственных и естественных знаков. Как уже говорилось, не это является самой важной чертой раннесредневековой семантики или семиотики, но сама концепция вещи как символа (знака) идеи. Это звучит парадоксально, однако есть все основания для подобной формулировки.

“Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла. Ведь символичны не отдельные акты или предметы: весь посюсторонний мир не что иное как символ мира потустороннего; поэтому любая вещь обладает

двойным или множественным смыслом, наряду с практическим применением она имеет применение символическое.

Мир – это книга, написанная рукою бога, в которой каждое существо представляет собой слово, полное смысла... Символ, следовательно, не субъективен, а объективен, общезначим. Путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла”...

Символы (понимаемые здесь расширительно) или образы могут иметь разную природу. В.В. Бычков выделяет три основных типа образов: миметические (подражательные), символические или символично-аллегорические и знаковые... Отличаются они друг от друга “характером выражения духовного содержания в материальных образах или степенью *изоморфизма*”... К первому типу относятся, по концепции раннехристианских философов, изобразительные искусства античности – простые (для них) копии действительности. Аллегии (символично-аллегорические образы) наиболее распространены. Именно сюда относится глубоко разработанное в апологетике различие “образа” (миметического) и “подобия”. Телесность человека, его плоть, создана “по образу” бога, и она “является материальным выражением божественной духовности... Подобие же относится к чисто духовной сущности человека.

Экзегетическое толкование священного писания – это, в сущности, и есть расшифровка системы заключенных в нем аллегорически-символических образов: “изреченное в словах – лишь символ скрытого смысла, который обнаруживается при толковании... Тело закона – словесные предписания, душа же – заключенный в словах невидимый смысл”, – писал еще Филон... Примером может служить символика апокалиптических животных, имеющих соответственно лики льва, тельца, человека и орла. По Иринею, это символы разных сторон деятельности Христа; отсюда они становятся символами четырех евангелий и даже евангелистов (Иероним), а затем – символами воплощения, смерти на кресте, воскресения и вознесения.

Наконец, третий вид образов – знаковые образы – выступает в раннехристианской культуре прежде всего как знамение – некое чудо, возвещающее собой сверхъестественное событие (знамение второго пришествия Христа и др.) – или вообще как чудо – знак божественной сущности Христа. Так, у Лактанция говорится, что страдания и чудеса Христа имеют “великую образность и знаковость” (*significantia*).

...В основе этого понимания лежит платоновское, а затем стоическое понимание мира как отображения божественного Логоса, а самого Логоса – как своего рода порождающей модели. Применительно к платонизму это четко сформулировал А. Ф. Лосев: “идея вещи в платонизме есть *вечная и порождающая* модель вещи”... Уже в рамках христианской апологетики Ориген прямо утверждает: “Логос – ... образец, по которому сотворен мир. В нем план мира и идеи всего сотворенного...”... К тому же источнику восходит так называемый “экземпляризм” философии Августина: “Для творимых вещей идеи выступают как образцы, по которым они творятся, как

прообразы, основания и причины их бытия”... И, наконец, тот же источник, что для нас особенно важно, лежит в основе широко известного направления “реализма” в средневековой схоластической философии.

Концепция реализма представлена в раннем средневековье Ансельмом Кентерберийским и Гийомом из Шампо. С точки зрения реалистов, общие идеи (роды и виды) служат – как и для Августина – идеальными прообразами для создания единичных вещей, которые являются истинными в меру соответствия этим идеальным прообразам. Эта точка зрения находит дальнейшее развитие у Фомы Аквинского, согласно которому универсалии (идеи) имеют тройное существование: до вещей (*ante res*) – в божественном разуме; в вещах (*in rebus*) – поскольку они воплощают идеи божественного разума; и, наконец, после вещей (*post res*) – в интеллекте человека, открывающего их в мире. Предмет отражается в душе человека через свое “подобие” (ибо телесный объект не может взаимодействовать с бестелесной душой) – чувственное впечатление. Затем эти “подобия” проходят первичную обработку так называемыми “внутренними чувствами”, к которым относятся, в частности, память и воображение и которые организуют первоначальный хаос впечатлений: возникает система чувственных образов. Следующий этап, – обработка их разумом, т. е. процесс абстракции, приводящий к выявлению видовых и родовых форм, – превращает чувственные образы в образы “умопостигаемые”, помещающиеся в так называемом “возможностном разуме” (*intellectus possibilis*) – здесь формы телесных тел освобождаются от физической оболочки и начинают вести чисто духовное существование. И, наконец, последний, самый высший (для человека) этап – обработка умопостигаемых образов “активным разумом”, продуктом которой являются понятия, в дальнейшем используемые при образовании суждений. Интересно, что для понятий Фома Аквинский, кроме “концепта”, использует термины “*species expressae*”, т. е. “выраженные виды” или же “*verba mentis*” – “слова ума”...

Противоположная позиция известна под названием номинализма. Его возникновение связано с именем Росцеллина. Для Росцеллина единственная реальность – индивидуальные вещи: следовательно, универсалии возникают только “после вещей”, т. е. в человеческом разуме. “Роды и виды – это только звуки речи, слова, имена (*nomina*)”... Они выражают не отношения вещей (субстанций), но служат только для классификации слов. Точно так же трактует Росцеллин и аристотелевы категории.

Менее крайнюю позицию, известную под названием концептуализма, отстаивал в рамках номинализма Пьер Абеляр. Для него слово – не просто “пустой звук”, но носитель значения (*significatio*). Слово в этом смысле способно определять предметы, выступать предикатом к ним, и не само слово, но речь является универсалией (или в ней заключаются универсалии). Общие понятия есть продукт деятельности человеческого ума и существуют только в речи... Они возникают в процессе абстрагирования чувственных впечатлений: есть единичная, “реальная” вещь, и есть множество ее

признаков, определяемых ее “формой”. Работа разума заключается в отсеивании признаков индивидуальных и синтезе таких признаков, которые объединяют вещь с другими вещами в понятия (concepti). Нетрудно увидеть здесь и влияние платонизма...

Слово есть для Абельяра инструмент мысли, оно создается для обозначения мысли так, чтобы это слово можно было понять – перед нами снова идея, которую находим у Платона. Но слово ни в коей мере не есть смысл вещи, оно самоценно. Противоположное мнение высказывал Ламберт из Осера, также умеренный номиналист. Он определял значение как “разум ... вещи, к которой прилагается “слово”: значению у него противостоит суппозиция..., т. е. отнесенность слова к единичным предметам.

(Леонтьев А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье. ВЯ, № 1, 1988. С. 5-16.)

## **ТЕКСТ 2. Ф. БЭКОН. О ДОСТОИНСТВЕ И ПРИУМОЖЕНИИ НАУК**

### **КНИГА ШЕСТАЯ**

#### **Глава I**

Учение о средствах изложения, в его обычном понимании называемое также грамматикой, состоит из двух частей: одна из них касается устной речи, другая – письменной: ведь Аристотель правильно говорил, что слова – это знаки мыслей, а буквы – слов. Обе эти части мы отнесем к грамматике...

Мы разделим грамматику также на две части: школьную (нормативную) и философскую. Первая просто используется при изучении языка, помогая быстрейшему его усвоению и способствуя развитию более правильной и чистой речи. Вторая же в какой-то мере дает материал для философии. В этой связи нам вспоминается трактат “Об аналогии”, написанный Цезарем. Правда, нельзя с уверенностью сказать, действительно ли этот трактат был посвящен изложению той самой философской грамматики, о которой мы говорим... Тем не менее это произведение навело нас на мысль о создании некоей грамматики, которая бы тщательно исследовала не аналогию между словами, но аналогию между словами и вещами, т. е. смысл, однако не заходя в пределы толкований, принадлежащих собственно логике. Действительно, слова являются следами мысли, а следы в какой-то мере указывают и на тело, которому они принадлежат. Мы наметим здесь общие контуры этого предмета. Прежде всего нужно сказать, что мы ни в коей мере не одобряем то скрупулезное исследование языка, которым, однако, не пренебрегал даже такой выдающийся ученый, как Платон. Мы имеем в виду проблему возникновения и первоначальной этимологии имен, когда предполагается, что уже с самого начала имена отнюдь не давались вещам произвольно, а сознательно выводились из значения и функции вещи; конечно, такого рода предмет весьма изящен и похож на воск, который

удобно мять и из которого можно лепить все, что угодно... С нашей точки зрения, самой лучшей была бы такая грамматика, в которой ее автор, превосходно владеющий множеством языков, как древних, так и современных, исследовал бы различные особенности этих языков, показав специфические особенности и недостатки каждого. Ведь таким образом языки могли бы обогащаться в результате взаимного общения, и в то же время из того, что есть в каждом языке самого лучшего и прекрасного, подобно Венере Апеллеса, мог бы возникнуть некий прекраснейший образ самой речи, некий великолепнейший образец того, как следует должным образом выражать чувства и мысли ума. А вместе с тем при таком исследовании можно на материале самих языков сделать отнюдь не малозначительные (как, может быть, думает кто-нибудь), а достойные самого внимательного наблюдения выводы о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках. Я, например, с удовольствием нахожу у Цицерона замечание о том, что у греков нет слова, соответствующего латинскому *ineptus*. “Это потому, – говорит Цицерон, – что у греков этот недостаток имел такое широкое распространение, что они его даже не замечали” – суждение, достойное римской суровости. Или например, почему греки так свободно создавали сложные слова, римляне же, наоборот, проявляли в этом отношении большую строгость? Из этого диалектика можно сделать вывод, что греки были более склонны к занятию искусствами, римляне же – к практической деятельности, ибо различия, существующие в искусствах, требуют для своего выражения сложных слов, тогда как деловая жизнь нуждается в более простых словах. А евреи до такой степени избегают всяких сложных образований в лексике, что скорее предпочитают злоупотреблять метафорами, чем прибегают к образованию сложных слов. И вообще в их языке очень мало слов, и эти слова никогда не соединяются, так что уже из самого языка становится совершенно ясным, что это был народ поистине назарейский и отделенный от остальных племен. А разве не заслуживает внимания тот факт (хотя, может быть, он и наносит некоторый удар самолюбию современных людей), что в древних языках существует множество склонений, падежей, спряжений, времен и т. п., тогда как современные языки почти совершенно утратили их и в большинстве случаев по лени своей пользуются вместо них предлогами и вспомогательными глаголами. И конечно, в этом случае легко предположить, что, как бы мы ни были довольны самими собой, приходится признать, что умственное развитие людей прошлых веков было намного глубже и тоньше нашего. Существует бесчисленное множество примеров такого же рода, которые могли бы составить целый том. Поэтому мы считаем, что есть все основания отделить философскую грамматику от простой школьной грамматики и отнести ее к числу дисциплин, развитие которых необходимо.

Мы считаем, что к грамматике относится также все то, что в какой-то мере касается слова, т. е. звук, метрика, размер, ударение. Правда, то, что служит первоисточником отдельных букв (т. е. то, какие именно артикуляции

языка, рта, губ, горла образуют звук соответствующей буквы), не относится к грамматике, а является частью учения о звуках, которая должна рассматриваться в разделе о чувственных восприятиях и о чувственно воспринимаемом. Собственно же грамматический звук, о котором мы говорим здесь, имеет отношение лишь к благозвучию и неблагозвучию. Законы последних являются чем-то общим для всех. Ведь нет ни одного языка, который бы не стремился в какой-то мере избежать сочетаний нескольких согласных. Существуют и другие проявления законов благозвучия и неблагозвучия, но при этом различные явления для слуха одних народов оказываются приятными, для других – неприятными. Греческий язык изобилует дифтонгами, в латинском их значительно меньше. Испанский язык не любит узкие звуки и немедленно обращает их в средние. Языки, восходящие к готскому, тяготеют к придыхательным. Можно привести много аналогичных примеров, но этого, пожалуй, уже более чем достаточно.

...Что же касается письма, то оно осуществляется либо с помощью обычного алфавита, принятого повсеместно, либо с помощью особого, тайного алфавита, известного лишь немногим; такой алфавит называется шифром. Даже обычная орфография породила среди нас вопросы и споры о том, нужно ли писать слова так, как они произносятся, или же так, как это принято в настоящее время. На мой взгляд, такая возможная орфография (т. е. написание слов, отражающее их произношение) совершенно бессмысленна и бесполезна. Ведь и само произношение все время изменяется и не остается постоянным, и, кроме того, при таком написании становятся совершенно неясными производные слова, особенно заимствованные из иностранных языков. Наконец, если традиционное написание ни в коей мере не мешало установившемуся произношению, а оставляло для него полный простор, то зачем вообще нужны эти новации?

(Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1971. С. 330-337.)

## **ТЕКСТ 3. А. АРНО, К. ЛАНСЛО. ГРАММАТИКА ОБЩАЯ И РАЦИОНАЛЬНАЯ ПОР-РОЯЛЯ ЧАСТЬ ВТОРАЯ,**

*В которой говорится о началах и причинах, лежащих в основании  
разнообразных видов значения слов*

### **ГЛАВА 1**

*О том, что знание происхождения в нашем рассудке необходимо для  
понимания основ грамматики; а также о том, от чего зависит  
разнообразие слов, составляющих речь*

До сих пор мы рассматривали в речи только материальную сторону, которая является общей, по крайней мере в том, что касается звуков, для людей и для попугаев.

Теперь нам необходимо исследовать то духовное, что содержится в слове и составляет одно из наиболее важных преимуществ человека перед всеми прочими живыми существами и одно из главнейших свидетельств разумности человека. А это и есть то, что мы пользуемся словами для выражения наших мыслей. Благодаря этому чудесному изобретению человеческого разума мы можем из 25 или 30 звуков составить бесконечное множество слов, которые, не имея сами по себе ничего общего с тем, что происходит в нашем рассудке, позволяют открыть эту тайну другим. И не проникая в наше сознание, дух других людей благодаря способности к слову может постичь все наши помыслы и все разнообразные движения нашей души.

Следовательно, слова можно определить как членораздельные звуки, которые используются людьми как знаки для обозначения их мыслей. Поэтому трудно постичь различные виды значений, заключенных в словах, не постигнув прежде того, что происходит в наших мыслях, ибо слова и были созданы лишь для передачи и постижения мыслей.

Все философы учат, что наш рассудок может производить три операции: Созерцать (*Concevoir*), Судить (*Juger*), и Умозаключать (*Raisonner*).

Созерцание – не что иное, как простой взгляд нашего рассудка на вещь, либо чисто духовный, как, например, в тех случаях, когда мы представляем себе существование, длительность, мысль, Бога; либо соотнесенный с телесными образами, как в тех случаях, когда мы представляем себе квадрат, круг, собаку, лошадь.

Суждение – это утверждение, что вещь, которую мы созерцали, является таковой либо таковой не является. Так, представив себе, что такое *земля* (*terre*) и что такое *круглость* (*rondeur*), мы можем утверждать о *земле*, что она *круглая*.

Умозаключение – это использование двух суждений для выведения из них третьего. Например, можно вывести следующее умозаключение: рассудив, что всякая добродетель достойна похвалы и что терпение – это добродетель, можно сделать вывод, что терпение достойно похвалы.

Из всего этого следует, что третья операция нашего рассудка является распространением (*extension*) второй, и нам, таким образом, будет достаточно рассмотреть две первые операции. Иными словами, нам нужно рассмотреть то, что содержится во второй операции от первой, ибо люди говорят совсем не для того, чтобы выразить, что они созерцают, но почти всегда для того, чтобы составить суждения о предметах.

Высказанное нами суждение об окружающих предметах, как, например, в случае, когда мы говорим: *земля – круглая* (*la terre est ronde*), называется предложением (*proposition*). Таким образом, каждое предложение обязательно имеет два члена: один из них, называемый субъектом (*sujet*), является тем, о чем что-то утверждается, например *земля*; другой, называемый атрибутом (*attribut*), представляет собой то, что утверждается,

например *круглая*. Кроме того, между двумя этими членами предложения находится связка (*liaison*) *есть* (*est*).

Итак, нетрудно убедиться, что субъект и атрибут, собственно говоря, принадлежат к первой операции рассудка, ибо они и суть то, что мы себе представляем, то, что составляет объект нашей мысли. Связка же принадлежит второй операции рассудка, которая является собственно деятельностью нашего сознания и способом нашего мышления.

Таким образом, наиболее важное различие, характеризующее наше сознание, состоит в том, что там можно выделить как предмет мысли, так и форму мысли. Основной формой мысли является суждение. Но к последнему можно отнести и различного рода соединения (*conjunctions*), разъединения (*disjunctions*) и другие подобные им операции рассудка, а также – иные движения нашей души, такие, как желания, приказание, вопрос и прочие.

Отсюда следует, что люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, должны были неизбежно прийти к наиболее общему разделению слов, из которых одни обозначали бы объекты мыслей, а другие – форму и образ мыслей, хотя часто последние не могут сами по себе обозначать таковые вне сочетания со словами, обозначающими объекты мыслей, как будет показано ниже.

К первому типу относятся слова, обычно называемые именами (*noms*), артиклями (*articles*), местоимениями (*pronoms*), причастиями (*participes*), предлогами (*prépositions*) и наречиями (*adverbes*); ко второму – глаголы (*verbes*), союзы (*conjunctions*) и междометия (*interjections*). Все они возникли в необходимой последовательности из естественного способа выражения мыслей. Что мы и попытаемся показать в следующих главах.

## ГЛАВА II

### *Об именах, и в первую очередь о существительных и прилагательных*

Объекты наших мыслей являются либо вещами, например *земля, солнце, вода, дерево*, которые обычно называют субстанциями (*substance*), либо способами существования вещей, например *быть круглым, красным, твердым, ученым*, которые называются акциденциями.

Между вещами, или субстанциями, и способами бытия вещей, или акциденциями, имеется следующее различие: субстанции существуют сами по себе, в то время как акциденции существуют только через субстанции.

Это обусловило основное различие между словами, которые обозначают объекты мыслей; те из них, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными, а те, которые обозначают акциденции, указывая на субъект, коему эти акциденции соответствуют, называются именами прилагательными.

Такова первопричина разделения имен на существительные и прилагательные. Но этим дело не ограничивается, ибо оказывается, что решающую роль играет не столько значение, сколько способ обозначения

(*manière de signifier*). Поскольку субстанция – это то, что существует самостоятельно, именами существительными были названы все имена, существующие в речи самостоятельно и не нуждающиеся в другом имени, даже если они и обозначают акциденции. И наоборот, прилагательными были названы даже те имена, которые обозначают субстанции, если по способу обозначения они должны быть присоединены в речи к другим именам.

Отсюда следует, что имя не может существовать само по себе, когда, помимо ясного (*distincte*) значения, у него имеется еще одно значение – смутное (*confuse*). Последнее можно назвать коннотацией (*connotation*) некоторой вещи, к которой относится то, что обозначается собственным значением.

Так, собственное значение слова *rouge* ‘красный’ – это *rouger* ‘краснота’. Но слово *rouge* означает ‘красноту’ неясно указывая на предмет, обладающий этим качеством. Отсюда вытекает, что слово *rouge* не может существовать в речи самостоятельно, ибо должен быть выражен или подразумеваться предмет – носитель этого качества.

Так как именно эта коннотация создает прилагательное, то, как скоро мы отнимаем ее у слов, обозначающих акциденции, эти слова становятся существительными, например: *coloré* – *couleur* ‘цветной - цвет’, *rouge* – *rougeur* ‘красный - краснота’, *dur* – *dureté* ‘твердый - твердость’, *prudent* – *prudence* ‘осторожный - осторожность’ и т. д.

И наоборот, когда мы прибавляем к словам, обозначающим субстанции, эту коннотацию, или смутное значение вещи, к которой эти субстанции относятся, то эти слова становятся прилагательными. Например, при помощи описанной выше операции можно из слова *homme* ‘человек’ получить слово *humain* ‘человеческий’ (*genre humain* ‘род людской’, *vertu humaine* ‘добродетель людская и т. д.’).

В греческом и латыни существует огромное количество таких слов: *ferreus* ‘железный’, *aureus* ‘золотой’, *bovinus* ‘бычий’, *vitulinus* ‘телячий’.

Но в древнееврейском, а также во французском и других новых языках таких слов меньше. Во французском языке это значение выражается с помощью предлога *de*: *d’or*, *de fer*, *de boeuf* и т. д.

И если прилагательные, образованные от названий субстанций освободить от их коннотаций, то образуются новые существительные, называемые абстрактными или обособленными. Так, из слова *homme* ‘человек’ можно образовать *humain* ‘человечный’, а из *humain* – *humanité* ‘человечность’ и т. д.

Но существует еще один вид имен, которые считаются существительными, хотя на самом деле должны были бы быть прилагательными, поскольку они обозначают акцидентальную форму (*une forme accidentale*), а также предмет, которому соответствует эта форма. К таким именам относятся названия занятий и профессий людей, например: *король*, *философ*, *живописец*, *солдат* и т. д. Такие слова считаются

существительными, потому что, согласно обычному способу именованя, не было необходимости соединять данные акцидентальные формы с их существительным, так как предметом здесь может быть только человек. Следовательно, существительное, обозначающее предмет, всегда подразумевается, и это имя может относиться только к человеку. В результате данные слова стали употребляться в речи так, как употребляются только существительные, т. е. существовать в речи самостоятельно.

По этой же причине о некоторых именах или местоимениях говорят, что они являются субстантивированными (*pris substantivement*), поскольку они относятся к существительному, настолько общему (*général*), что оно легко и однозначно подразумевается. Например, *triste lupus stabulis*, подразумевается *negotium* ‘плохое дело – волк в овчарне’; *patria* – подразумевается *terra* ‘земля’ *judaea* – подразумевается *provincia* ‘провинция’. Смотрите об этом в книге “*Nouvelle Méthode Latine*”...

Как уже говорилось, у прилагательных есть два значения: одно – ясное, являющееся из самой формы, и другое – смутное, указывающее на носителя качества (*sujet*). Но из этого отнюдь не следует, что они более непосредственно обозначают форму, чем сам предмет, как если бы более отчетливое значение было в то же время и более непосредственным (*directe*). Напротив, прилагательные, конечно, обозначают предмет непосредственно, как говорят грамматисты *in recto*, хотя и более смутно, нежели это делают существительные. Форму же они обозначают косвенно, или, как говорится, *in obliquo*, хотя и более отчетливо. Так, *blanc, candidus* ‘белый’ обозначает непосредственно “то, что обладает белизной”, но обозначает это весьма смутным образом, не указывая в частности ни на одну из вещей, которая может “обладать белизной”. В то же время это прилагательное обозначает белизну лишь опосредованно, но так же ясно, как само слово *белизна* (*candor*).

(Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. – С. 89 – 97.)